

Хэйди Хэйлиг

НАВСЕ...ГДЕ?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х99

Серия «Best book ever»

Heidi Heilig

THE GIRL FROM EVERYWHERE

Перевод с английского А. А. Загорского

Серийное оформление и иллюстрация на обложке Е. Д. Фerez

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Bent Agency и Andrew Nurnberg.

Хэйлиг, Хэйди.

Х99 Навсе...где? : [роман] / Хэйди Хэйлиг ; [пер. с англ.
А. А. Загорского]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
384 с. — (Best book ever).

ISBN 978-5-17-100048-6

Шестнадцатилетняя Никси живет со своим отцом, которого все называют капитаном Слэйтом. Он — человек неординарный.

Во-первых, он весь — буквально с головы до ног — покрыт татуировками.

Во-вторых, он заядлый любитель путешествовать, и у него даже есть свой собственный корабль-парусник, «Искушение».

И в-третьих, он не обычный мореплаватель, а настоящий путешественник во времени...

Индия 18 века, Нью-Йорк 21-го, Гавайи 19-го — ему не составляет труда оказаться где угодно, главное, чтобы у него была карта, желательна той эпохи и нарисованная от руки.

Вот уже 16 лет Никси странствует вместе со своим отцом. И все это время Слэйт одержим одной-единственной целью — вернуться в Гонолулу 1868 года. Именно там он познакомился с матерью Никси и только там был по-настоящему счастлив — пока она не умерла при родах...

Раз за разом, карта за картой Слэйт пытается доплыть до заветного острова, но все безуспешно. В чем же причина этих неудач? Почему Провидение не дает ему воссоединиться с любовью всей его жизни?

И какую цену придется заплатить ему за исполнение своей заветной мечты?..

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Heidi Heilig, 2016

© Перевод. А. А. Загорский, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers,
2018

ISBN 978-5-17-100048-6

Глава 1

АВГУСТОВСКИЙ ДЕНЬ ВЫДАЛСЯ ЖАРКИМ И ВЛАЖНЫМ — типичным для сезона муссонных дождей. Стоял 1774 год, хотя было ясно, что это ненадолго. Я находилась на одном из многочисленных рынков Калькутты, где отец оставил меня одну.

Не навсегда — время для этого еще не пришло. Он всего лишь вернулся на корабль, чтобы подготовить все необходимое для следующего этапа путешествия — в Нью-Йорк двадцатого века. Именно он был целью наших странствий — там отец мечтал исправить ошибки, совершенные в прошлом.

Возможно, такие, как я.

Он никогда не говорил этого открыто, но его желание избавиться от меня было очевидным. И вот я в полном одиночестве вынуждена, зажав в потной ладони жалкую горсточку серебра, торговаться в надежде приобрести каладриуса — птицу, способную исцелять от не-

дугов и предсказывать смерть. Я вдруг подумала, что, если бы мифологическое пернатое доставили на корабль, а я на борт не вернулась, отца бы это нисколько не расстроило.

Впрочем, нет, поправила я сама себя. Сейчас я все же еще была нужна ему. Как-никак, именно я прокладывала для него маршрут сквозь время и пространство. Я помогла ему пробраться сквозь темные времена Средневековья. И потом, я умела с двадцати шагов угадывать особых, волшебных животных, обладающих необычными качествами, и успешно договариваться с торговцами об их приобретении. Но мне было известно, что, когда в 1868 году мы доберемся до Гонолулу, отец перестанет нуждаться в моих способностях определять курс в океане и заключать удачные сделки. Я была для него лишь средством для достижения цели, и конец путешествия приближался с каждым днем.

Его, Впрочем, эта ситуация нисколько не смущала. Я тоже изо всех сил старалась относиться к этому легко, но не всегда могла преодолеть беспокойство. Оно серьезно мешало мне в сложные моменты — вот как сейчас, когда торговец, на редкость наблюдательный, как и большинство людей его профессии, сверлил меня пристальным взглядом.

— Это очень редкая птица! — сказал купец громче, чем того требовало разделяющее нас расстояние. Мы с ним стояли буквально нос к носу около клеток. Я предпочла бы немного отодвинуться, но не могла, потому что в этом случае меня поглотила бы бешено бурлящая толпа посетителей рынка. — Каладриус может вылечить любую болезнь — ему достаточно лишь посмотреть пациенту в глаза.

— Я знаю, знаю.

Мне доводилось читать о каладриусе в мифологической литературе. Если верить легенде, эта птица уносила болезнь на своих крыльях и сжигала ее, пролетев вблизи солнца. Легенда также гласила, что, если человек болен неизлечимо, птица ни за что не станет на него глядеть. Но об этом торговец, разумеется, умолчал.

— Здоровье бесценно, девушка, — заявил он, скрестив руки на груди.

— И это мне тоже известно, — сказала я и вытерла брови тыльной стороной ладони. Солнце палило немилосердно, и запах пота вокруг меня смешивался с ароматом жасминовых духов. Мне нужно было возвращаться на корабль хотя бы для того, чтобы глотнуть свежего воздуха. — Пожалуйста. Это для моей матери. Без птицы она умрет.

Обычно я не пытаюсь вызвать у торговцев жалость, но в данном случае говорила чистую правду.

— Если с ней что-нибудь случится, мой отец этого не перенесет.

Взгляд продавца немного смягчился, но тут вдруг толпа словно вскипела, и у меня за спиной возник весьма дородный британский офицер. Мой собеседник, забыв обо мне, сразу уставился на него.

— Пожалуйста, — произнесла я чуть громче и, вытянув вперед руку, разжала кулак, показав горстку тусклых серебряных рупий.

Торговец снова перевел взгляд на меня и покачал головой:

— Такая птица стоит столько, сколько золото, равное ей по весу.

— У индийских принцев больше не осталось золота. Все золото у них отняли британцы, а они не верят в легенду о каладриусе.

Сказав это, я тут же поняла, что совершила ошибку. Лицо торговца приобрело суровое выражение. Я принялась лихорадочно соображать, как исправить положение. Птицы в клетках вдруг разом расправили крылья, стали бить ими о бамбуковые прутья и защебетали на все лады, будто прося освободить их. Чья-то рука легла мне на плечо. В возмущении я резко обернулась, готовая дать отповедь наглецу, но тут же вздохнула с облегчением. Это был Кашмир, появившийся как нельзя кстати.

— Здравствуйте, *амира*, — сказал он.

— Попробую угадать, — отозвалась я. — Капитан прислал тебя поторопить меня?

— Чтобы вам помочь, — уточнил он и тепло улыбнулся. Затем повернулся к торговцу и высыпал ему в подставленные ладони горсть золотых монет. — Этого более чем достаточно.

С этими словами Кашмир протянул руку и завладел клеткой с каладриусом. Затем он взял меня за запястье и повел прочь, не обращая более внимания на продавца птиц, который от изумления вытаращил глаза.

— Идемте скорее. Нам пора.

— Где ты взял столько золота? — спросила я.

Случившееся поразило меня даже больше, чем торговца.

— Так, в одном месте, — ответил Кашмир.

Мы были уже на полпути к докам, когда в толпе позади нас раздались крики.

Кашмир передал мне клетку.

— Только не бегите, — предупредил он и опрометью бросился куда-то в сторону.

— Вор! — заорал кто-то неподалеку.

Я увидела тучного англичанина, пробирающегося в ту сторону, где исчез Кашмир.

Как назло, мне под ноги то и дело попадались препятствия в виде корзин с жареной саранчой и одеял, на которых были разложены спелые рамбутаны и прочий товар. Я бежала, огибая женщин в тряпье и в шелковых одеждах, мужчин в набедренных повязках и в военной форме. Клетка с птицей раскачивалась в моей руке, пот разъедал глаза. Кашмир был далеко впереди — точнее, это я сильно от него отстала.

На бегу я лихорадочно пыталась сообразить, как можно выпутаться из подобной ситуации, вспоминая разные истории на аналогичную тему. К сожалению, все они не имели ничего общего с реальностью. Почти во всех чудесное спасение приходило благодаря тому, что преследователей удавалось превратить в дерево, в звезду, в птицу или во что-то еще столь же безобидное. Оглянувшись, я увидела, что англичанин нагоняет меня, и, прижав клетку к груди, попыталась поднажать.

Наконец, я оказалась за пределами рынка, свернула за угол и, оттолкнувшись свободной рукой, перепрыгнула через осла. Кашмир, стоя на причале рядом с кораблем, призывно махал мне. Подбежав к нему, я остановилась. Он положил руки на мои плечи:

— Почему вы побежали, *амира*?

— А ты почему? — поинтересовалась я, с трудом переводя дыхание.

— Чтобы они погнались за мной. А теперь живо на борт. Вит, вит!

И Кашмир подтолкнул меня к трапу.

Отец помогал Би с рангоутом, но, услышав неподалеку от пристани крики, на секунду замер и окинул взглядом окрестности, пытаясь понять, что происходит. Затем он возобновил свои действия и скомандовал Ротгуту отдать швартовы. Англичанин был уже со-

всем рядом. Местные жители бросились врассыпную, но Кашмир оставался на месте, пока я не забралась по трапу на борт. Тогда он попытался броситься наутек, но было уже поздно.

Англичанин, бакенбарды которого дрожали от ярости, схватил Кашмира за воротник полотняной рубашки.

— Ах ты, проклятый ублюдок, да тебя повесить мало! — заорал он и, вытащив из-за пояса револьвер, ткнул его ствол в щеку Кашмира. — Отдавай мои деньги или я пристрелю тебя на месте!

Каш рванулся в сторону корабля, но мы, снявшись с якоря, уже отходили от пристани. Я изумленно посмотрела на отца. Тот окатил меня ледяным взглядом своих светло-голубых глаз и сказал:

— Он в состоянии сам о себе позаботиться.

Несмотря на жару, меня пробрал озноб. Если бы каладриус остался у Каша, как знать, не оставили ли бы на пристани меня? Поставив клетку с птицей на палубу, я ухватилась за леер, оценивая на глаз расстояние между бортом судна и пирсом. В этот момент Каш резко толкнул руку англичанина с револьвером кверху. Тот нажал на спусковой крючок, и пуля улете-ла куда-то в небо. Англичанин крепче сжал в пальцах воротник рубашки Кашмира — но и только. Резким движением разорвав рубаху на груди, Каш, повернувшись на одной ноге, ловко выскользнул из рукавов и освободился. Его противник так и остался стоять на месте с изумленным выражением лица.

Я стала шарить вокруг в поисках свободного конца, чтобы бросить его на пристань. Однако, когда я выпрямилась и снова выглянула из-за фальшборта, Кашмира нигде не было видно. Англичанин, стоя у края пирса, яростно что-то кричал, потрясая револь-

вером. Взгляд его был устремлен на корму корабля. Посмотрев туда же, я увидела Каша, перелезающего через борт.

— Остановить корабль! Остановить немедленно! — орал англичанин, обращаясь к моему отцу. — Ваш кули вор!

Кашмир приложил руку к груди жестом оскорбленной невинности. Я невольно улыбнулась — мне было известно, насколько он ловок и находчив. При необходимости Кашмир был способен заставить человека смеяться, чтобы украсть нужную ему вещь изо рта намеченной жертвы.

Затем Кашмир резко пригнулся. Англичанин выстрелил вторично, и пуля угодила в нашу сделанную из дуба бизань-мачту. Я замерла от неожиданности, а затем бросилась ничком на палубу рядом с клеткой. От моего дыхания зашевелились перья на грудке каладриуса.

«Искушение» — быстроходное судно, и к тому времени, когда англичанин успел прицелиться еще раз, мы были уже слишком далеко. Я вскочила. В ушах у меня звенело, волосы растрепались. Кашмир держался как ни в чем не бывало. Его бронзовая кожа сияла в лучах солнца, лицо светилось ликованием. Глаза наши встретились, и я торопливо отвернулась.

— Вы покраснели, — весело заметил он.

— Это от жары, — пробормотала я.

— Ну и суета! — воскликнул мой отец и, передав штурвал Би, спустился на главную палубу. Взяв в руки клетку, он заглянул внутрь.

— Боже, какая прелесть! Спасибо, малышка.

— Спасибо? — Я одернула на себе одежду. — Ты должен благодарить не меня.

— Спасибо, Кашмир! — сказал отец и в знак одобрения поднял вверх большой палец. Затем продол-

жил рассматривать каладриуса, радостно бормоча что-то себе под нос.

— Из-за этой птицы ты подверг его жизнь опасности, — с возмущением произнесла я.

— Большое спасибо, Кашмир.

— Его чуть не застрелили!

— Однако же он жив. — Отец небрежно пожал плечами.

— Но его могли убить!

Улыбка отца погасла, словно задутое порывом ветра пламя свечи. С бесстрастным лицом он засучил рукава своей просторной хлопчатобумажной рубахи, обнажив тянувшиеся вверх по предплечьям синие разводы. Если не знать о них заранее, маршруты, изображенные на его теле, трудно было разглядеть среди покрывавших кожу татуировок. Вскоре отец опять просиял:

— Здорово, что теперь у нас есть каладриус. Он исцеляет от всех болезней! Ну же, дадим ветру наполнить наши паруса! Куда мы теперь пойдём, Никси?

Я хотела сказать ему какую-нибудь грубость, но в последний момент прикусила язык. Все было как обычно — отец не любил подолгу терзаться угрызениями совести. Он оставлял эту привилегию мне.

— Нам нужно в Нью-Йорк, в 1981 год. Я достала карту и проложила курс сегодня утром. Карта на столе. Может, хотя бы взглянешь?

— Но... все карты двадцатого века, которые мне доводилось видеть, были изготовлены типографским способом, — сказал отец, не отвечая на мой вопрос.

— Эта сделана вручную одним очень увлеченным человеком, — пояснила я. — Когда мы были там, куда отправляемся, я сама ее купила.

На отца мои слова, похоже, не произвели большого впечатления.

— Вот и хорошо, просто отлично. А ты уверена, что она приведет нас, куда надо?

— Это уж ваша забота, капитан, — ответила я. — По крайней мере, до тех пор, пока не научите меня Навигации.

Отец бросил на меня долгий и пристальный взгляд, после чего повернулся на каблуках и отправился в свою каюту. Я вдруг почувствовала, что все члены экипажа смотрят на меня. Однако, когда я обернулась, Би тут же сделала вид, будто ее заинтересовала впадающая в океан река, а Ротгут принялся внимательно изучать свои ногти. Взгляд не отвел только Кашмир.

— А ты тоже хорош!

— Я?! Что я сделал не так, *амира*?

— Я уже почти уговорила продавца птиц согласиться на мою цену.

На губах Кашмира появилась улыбка:

— Даже если и так, вы ведь сами сказали: англичане забрали все золото. Я всего лишь взял у них немного обратно.

— Но все же воровать нехорошо, Кашмир.

— И что же я должен был сделать?

— Может, оставить птицу продавцу?

Кашмир посмотрел на меня немного искоса, и в его глазах промелькнула искорка:

— Да ладно вам, *амира*. Когда я передал вам клетку с каладриусом, вы были в восторге.

— Это потому, что каладриусы — большая редкость, не говоря уж об их способностях исцелять недуги. Но я не думаю, что мы в самом деле ими воспользуемся.

— А вот капитан считает, что мы это сделаем. Вы ведь знаете, что он за человек.

— Что ты имеешь в виду?

— Что с ним очень трудно спорить, — объяснил Кашмир и поджал губы.

— Что правда, то правда, — сказала я и, скрестив руки на груди, бросила взгляд на воды реки Хугли, которые своим цветом напоминали желчь. — Груз в порядке?

— Ты имеешь в виду тигров? — уточнил Кашмир несколько игривым тоном.

— Да, тигров, что же еще?

Огромных полосатых кошек доставили на корабль в расшатанных бамбуковых клетках. Каш и Би, демонстрируя чудеса храбрости, сумели должным образом закрепить их в трюме. Это произвело на меня впечатление, хотя внешне я этого никак не показала. Кашмир же любил, когда люди открыто выражали свое восхищение в его адрес.

— В последний раз, когда я их видел, они спали, словно два котенка, — произнес он, достал из кармана золотые часы и посмотрел на циферблат. Затем наклонил корпус хронометра, и из него на палубу пролилась струйка воды.

— Ничего, — сказал он. — Будут в полном порядке к тому времени, когда мы окажемся в Нью-Йорке.

— Где ты их взял?

— Часы? — Кашмир взглянул на меня исподлобья. Если бы я не знала его как облупленного, то решила бы, что он смущен. — Этому типу не следовало называть меня ублюдком.

Я в раздражении стиснула зубы:

— Капитан тебе этого не приказывал!

— Нет, конечно. Это я по своей инициативе.

— Знаешь, если бы у меня не было никаких моральных принципов, как у тебя, я бы легко решила все свои проблемы.

Кашмир небрежно пожал плечами и сунул часы обратно в карман.

— Если бы у меня были ваши проблемы, я мог бы позволить себе иметь принципы, — парировал он. — А сейчас я намерен раздобыть себе другую рубашку. У вас есть десять секунд, чтобы остановить меня. Молчите? То-то.

Кашмир спустился вниз, оставив меня на палубе в носовой части судна. Идя под парусами, мы миновали развалины форта Уильям — того самого, в подземной тюрьме которого, согласно данным Ост-Индской компании, из-за жестокости индийцев погибло около сотни заключенных-англичан. В нижнем течении разлившейся реки люди удили рыбу, а ребятишки купались голышом на мелководе. Чтобы было не так жарко, я собрала волосы в пучок на макушке и тут же почувствовала на шее обжигающее дыхание горячего ветра.

Говоря о капитане, Кашмир был прав. Когда тот хотел чего-нибудь добиться, он не останавливался, пока не достигал поставленной цели — чего бы это ни стоило. И никогда не думал, что, стремясь к ней, мог подвергнуть других людей опасности или причинить кому-то боль.

Больше всего на свете он хотел вернуться в Гонолулу 1868 года. Именно поэтому ему теперь нужна была карта, выставляемая на торги аукционным домом «Кристис», а также деньги на ее приобретение.

Капитан никогда не играл на бирже и не делал ставок в спортивных тотализаторах. У него никогда не было счета в банке. Слэйт гораздо больше времени проводил, думая о прошлом, чем о будущем. Всякий раз, когда он возвращался мыслями в реальную действительность, это было связано с необходимостью раздобыть денег.

